

Когда-нибудь приеду в Орхус¹
Взглянуть на его голову цвета бурого торфа,
На мягкие стручки век,
Островерхую кожаную шапку.
В плоской стране, возле того места,
Где откопали его
С последней кашей из озимых зерен,
Спекшейся в желудке,
Нагого, если не считать
Шапки, удавки и пояса.
Я буду долго стоять там.

*Шеймас Хини.
Человек из Толлунда²*

---

¹ Второй по величине город Дании, расположенный на востоке полуострова Ютландия. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Стихотворение нобелевского лауреата Шеймаса Хини посвящено мумифицированным останкам мужчины железного века (IV в. до н. э.), найденным близ деревни Толлунд на Ютландском полуострове.

ГЛАВА 1

ХРОМУША

Меня зовут Хромуша. Мы с отцом и матерью приходим из племени болотников, осевших на торфянистой почве прогалины у Черного озера¹. Тихое, укромное место, далеко к северо-западу от земель, целиком захваченных и покоренных завоевателями. Семнадцать лет минуло с тех пор, как наш огромный остров попал под власть римлян и сделался Британией — новейшей провинцией Римской империи. А мы продолжаем жить, как жили всегда: во время сева разбрасываем в полях пшеницу, в жатву машем косами и горбимся под тяжестью собранных снопов. Мой отец давно твердит, что большие перемены не за горами. «Они наступают, — говорит он об отрядах солдат, пробирающихся по Британии все дальше на запад. — Они принесут сюда свои римские порядки», — и приветственным жестом раскрывает ладони. Матушка поджимает губы, тербит складки шерстяной юбки. А я? Один спокойный год сменяется другим, и я начинаю думать, что отцовские пророчества, причиняющие такую боль

---

¹ Древнее торфяное болото; в настоящее время природный заповедник, расположенный в лесу Деламер, графство Чешир, Великобритания.

матери, — не более чем скрытое желание уставшего ждать человека.

А потом, три дня назад, я вдруг вижу их. Римляне и в самом деле не за горами, они прямо у нашего порога.

Видению, как всегда, предшествует вспышка белого света.

К видениям мне не привыкать. В одном из самых ранних, явившемся еще до того, как меня отняли от груди, я наблюдала собственное рождение. Я видела завитки белесых кудряшек, которые однажды упадут волной светлых локонов до пояса; голубые глаза, что так и останутся удивленными, будто первые фиалки, пробившиеся сквозь оттаившую землю. Я смотрела, как матушка поглаживает мои крошечные мочки, подушечки пальцев на ногах, осторожно переворачивает меня в руках. Тогда-то она и обнаружила отметину у меня на пояснице, над крестцом: красновато-пурпурное пятнышко, похожее на каплю бузиновой краски, пролитой из кувшина и расплывшейся в виде полумесяца. Отец, в это время перерезавший ножом слизистые обложки и жилы пуповины, ничего не заметил. Матушка была измотана родами, но собралась с силами и прижала меня к груди, прикрыв рукой полумесяц. Что же делать с пятнышком, прячущимся под ее пульсирующим запястьем?

Она прижала пальцы к губам, затем с глубочайшим молитвенным трепетом разворошила тростниковую подстилку возле тюфяка и задержала руку на земляном полу чуть дольше, чем принято

при почитании Матери-Земли — богини, благословляющей оставленное во чреве семя, как благословляет она семя, брошенное в землю.

Матушка ни словом не обмолвилась об отметине, но я всегда знала, что нужно прикрывать поясицу даже от отца. Я умею хранить тайну, которой владеем только мы с матерью. На каждом плече у меня всегда по две пряжки, скрепляющие платье, хотя хватило бы и одной. Мы не говорим о моем рождении, и все же я могу описать глубокую синеву вен, паутиной оплетающих материнскую грудь, легкую дрожь отцовской руки, сжимающей нож, но прежде всего — каким быстрым движением матушка скрыла отметину от глаз супруга. Детали этой сцены вспыхивают у меня перед глазами, яркие, как блеск отточенного лезвия: точно так же, как в том видении о римлянах у Черного озера.

Третьего дня, когда мы с матушкой собирали щавель, чтобы сдобрить вечернюю похлебку, рот мой наполнился металлическим привкусом. Я застыла на месте и насторожилась в преддверии видения, которое, как я знала, скоро последует. Металлический привкус усиливался, и я ждала вспышки света, белого, как солнце. На мгновение ослепив меня, она тут же исчезла, и перед глазами появилась прогалина у Черного озера: редкий чернотал, неподалеку — толстые ветви ясеня, так низко склонившиеся к земле, что деревенская ребятня не в силах устоять перед соблазном вскарабкаться на дерево.

Я насчитала восемь фигур, въезжающих на прогалину. Они казались скорее механизмами, нежели людьми: туловища и плечи покрыты металлическими пластинами, на головах — бронзовые шлемы с нащечниками. У каждого на правом бедре висит меч, на левом — кинжал, в руках зажаты копья различной длины. Все они верхом, бок о бок, — напряженные, мускулистые тела, готовые к нападению. И тут меня выкинуло обратно, в славный денек, к яркой зелени щавеля.

— Римляне! — потрясенно выдохнула я. — На Черном озере!

Лицо у матери вытянулось.

— Матушка? — позвала я, ожидая утешения, которое она умела сплести даже из самых хрупких нитей.

Пальцы матери разжались, и пучок щавеля упал к ее ногам.

ГЛАВА 2

ХРОМУША

Мне тринадцать лет: всего лишь нескольких лун недостает до материнских четырнадцати, когда она взяла себе первого супруга. В эти годы девочка начинает с любопытством наблюдать за родителями: за их отношениями, их счастьем. Я вижу, что отец не отводит взгляда от супруги, когда она толчет в ступке сушеный медвяный корень, приготавливая снадобье от головной боли. Замечаю, как вздымается и опадает его грудь, когда он смотрит на нее; вижу нежность в его взоре, нерешительность, с которой он тянется к матушке, словно она может увернуться от его рук. Я замечаю и ее неуверенность, мгновенное замешательство перед объятием, словно ей требуется время, чтобы просчитать, чем обернется такая близость. Я вижу, как матушка смущенно прячет глаза, словно влюбленная девчонка, а не супруга, которая делит с ним ложе и стол последние пятнадцать лет.

Однако порой, незаметно для других, но не для меня, матушка все-таки смотрит на отца — Кузнец, так его прозывают, — и во взгляде ее я вижу страсть. Однажды она, прижав ладонь к щеке, сказала: «Лучшего мужа на свете не сыщешь».

Я стараюсь по кусочкам собрать историю родителей, обнаружить то препятствие, что

не позволяет матери приблизиться к отцу. Спрашиваю, когда она впервые догадалась о его любви. Матушкино лицо становится девчоночьим, морщинки разглаживаются, и она мысленно уходит в прошлое.

— Он выковал для меня серебряный амулет. Такой, что смотришь на него и диву даешься: уж не боги ли тут руку приложили.

— А где этот амулет?

— Пропал.

— Как пропал?

— Уж ты наверняка слыхала эту историю, — говорит она и, отвернувшись, тянется к стропилам за пучком медвяного корня.

Эту историю знает вся деревня: много лет назад мать бросила амулет в омут Черного озера, принеся его в дар Матери-Земле. Таков наш обычай почитания богов, а эту богиню матушка всегда чтила особо. В деревне мать прозвали Набожей и частенько говорили, кивая друг другу, до чего же пристало ей это имя. В конце концов, она их целительница — жена, искушенная в извлечении чудодейственной силы из корней Матери-Земли, ее листьев и цветков.

В другой раз я с бьющимся сердцем спрашиваю:

— Ты любила Арка?

Расширив глаза и прикусив нижнюю губу, матушка глядит на меня, одновременно удивленная и напуганная вопросом о первом супруге. Конечно, я знаю о ее предыдущем замужестве и о многом другом. Сплетни на Черном озере плодятся что твой гнус.

— Выброси все это из головы, — говорит она, и вдруг оказывается, что ей срочно нужно принести дров из сложенной за дверью поленницы.

Но я хочу разузнать об Арке, который был ее избранником до моего отца, и потому обращаюсь к Старцу: он пережил свою супругу и семерых сыновей, но сейчас его, как на грех, мучают боли в коленях. Он спит сидя, прислонившись затылком к стене.

Я похлопываю его по костлявому плечу — он резко раскрывает мутные глаза, растерянно моргает.

— Хромуша! — наконец говорит он, радуясь моему появлению.

— Вот твое снадобье. — Я передаю Старцу маленький глиняный сосуд с мазью из лапчатки: такой же мазью мой отец натирает плечо, немеющее из-за тяжелой кувалды.

Мы толкуем о погоде — на улице теплынь — и о том, что скоро пора сеять пшеницу и хорошо бы тепло продержалось до конца сева. А потом я закидываю удочку:

— Расскажи, какой он был, тот, кого матушка любила до отца.

И Старец рассказывает. Арк осиротел в восемь лет: его отец перешел в Другой мир после того, как его укусила бешеная собака. Мать Арка бранилась и потрясала кулаком, обвиняя богов в том, что они отреклись от ее супруга, а наутро ее нашли на лежаке — застывшую и синюю. Потом Арк жил в крохотной лачуге у Черного озера: сперва со стариком Звездочеем, отшельником, который дни напролет бродил по окрестностям, а теплые

и ясные ночи проводил растянувшись на земле под звездами. Мальчиком Арк таскался за ним, изучал олений след или ласточкино гнездо, на которые старик указывал концом посоха. Однажды, почувствовав приближение конца, Звездочей ушел, видимо желая испустить последний вздох без посторонних глаз, — и Арк остался один.

Я расспрашиваю и других. Настаиваю. Докапываюсь. Возвращаюсь к матери, выуживаю из нее очередную крупицу сведений — трюк удастся лучше, когда руки у нас обеих заняты обрыванием листьев со стеблей или процеживанием травяного настоя.

Еще я жду, когда мне откроются мысли отца, ибо порой в этом мире, исполненном чудес, они внезапно возникают у меня в голове и помогают дополнить картину. Правда, приходят они беспорядочно, без всякой связи, помогающей разобраться в них. Отцовские мысли проникают ко мне в разум не как поток слов, а скорее как сценка, мгновенное впечатление.

Однажды он вышел из кузни, и я впервые поняла, что он не произносил вслух слов, появившихся у меня в голове. Отец едва закрыл за собой дверь, а я уже знала: он думает о том, согласится ли соплеменник по имени Дубильщик отдать кусок оленьей кожи за новенький мездряк², обрадуется ли матушка подарку и не стыдится ли носить на плече такую убогую суму.

— Ей все равно, что сума драная, — сказала я. Порой матушка показывала мне какую-нибудь

---

² Нож для выделки шкур.

заплатку и объясняла: «Из старой отцовой куртки» или «Из твоих первых башмачков».

Отец пристально взглянул на меня: в голове у него витала неопределенность, смутный зуд, который, похоже, лучше было не расчесывать. Если не обращать внимания на покалывание и пощипывание, он пройдет сам собой.

С тех пор я научилась действовать с осторожностью, не отвечать на невысказанные отцовы мысли. Любой намек на то, что мне известны его тайные думы, мог оказаться столь же нежелательным, как хрущаки в муке.

Сегодня матушка то и дело всматривается в даль. Опустив мотыгу, она смотрит на юго-восток. Я вижу, как сжимается, затем расслабляется ее горло, но, сколько бы она ни сглатывала слюну, это не избавляет ее от горького привкуса страха. Матушка запретила мне ходить в лес, даже за душистой фиалкой для снадобья, что помогает заснуть. («А как же Недрёма?» — спросила я, отлично зная сочувствие матери к женщине, которая без отвара не сомкнет глаз всю ночь. Не отрывая взгляда от горизонта, матушка покачала головой.)

Когда я, усталая, притаскиваюсь из полей, отец оставляет работу в кузне; взгляд его сосредотачивается на моей хромой ноге, и он прижимает руку к сердцу — такую боль причиняет ему мой изъян. Как и мое положение крестьянки. Сколь низко пал клан Кузнецов со времен его юности! Теперь остались лишь мы трое: отец, матушка и я. Кроме родителей, моему появлению на свет могла порадоваться только одна родственница — мать

моей матери. Да и той уже нет: ее сгубил жестокий кашель вскоре после того, как я сделала первые шаги.

Хотя отец работает один, кузня большая, шагов двадцать в длину, и достаточно просторная, чтобы вместить десяток мастеров. Когда отец был молод, здесь трудились, перекрикивая грохот и лязг железа, его отец, братья — родные и двоюродные — и дядья. Куда сильнее нас с матушкой отца печалит стоящие без дела наковальни, наша затрапезная одежда, пустые горшки, в которых нет ни копченой оленины, ни соленой свинины, и полки, с которых исчезла богатая утварь — ее годами выменивали на железные бруски, позволяющие ему работать, и на твердый сыр, сохраняющий жизнь семье в неурожайные годы.

Кузня находится примерно в середине прогалины. С одной стороны ее обступают девять круглых хижин, где обитают сто сорок два жителя Черного озера: мужчины, женщины, дети. Кузня с ее невысокими стенами похожа скорее на крытый шалаш, чем на дом. Отцу так нравится. Стены не запирают внутри чудовищный жар горна, и можно обмениваться приветствиями с деревенскими, живущими своей жизнью, и, что особенно важно, поглядывать на нас с матушкой, когда мы заняты делом.

Отец окликает меня:

— Тяжелый денек выдался?

— Сносный. — Я расправляю усталые плечи.

Раскаленное железо шипит, когда отец окунает его в кадку с холодной водой. Он развязывает тесемки кожаной безрукавки и выходит из кузни.

Я подхожу к нему и прижимаюсь к его руке, и отец ерошит мне волосы.

Будь я сыном ремесленника — кузнеца в нашем случае, — я бы унаследовала отцовское дело. Но, будучи девочкой, я разделяю положение матери, которое делает меня крестьянкой, обитательницей болота, рожденной для сева и жатвы. Матушка, наша целительница, уходит с полей уже с полудня, чтобы приготовить снадобья, содержащие всю деревню в добром здравии. Мы надеемся, что однажды это послабление распространится и на меня. Однако пока я еще не считаюсь ученицей знахарки, и мне приходится от зари и дотемна орудовать тяпкой, разбивая комья слежавшейся земли.

Несмотря на тяжелый день в полях, после работы мы с отцом ежедневно ходим к болоту, где я пробегаю отрезок гати — грубого деревянного настила, перекинутого по топкой земле через мелкую заводь Черного озера. Матушка говорит, что эти уроки бега, как она их называет, начались сразу же после того, как я встала на ноги. Она уже объяснила отцу природу моего несовершенства: бедренная кость одной ноги не полностью входит во впадину, отчего я всегда буду хромать. Так и вижу, как он плакал тогда, опустив голову на руки. Кто полюбит его дитя? Что станется с колченогой работницей? Из-за хромоты я сделалась порченной. Полагаю, что, несмотря на катящиеся по щекам слезы, в тот миг отец твердо решил: я буду учиться бегать.

Скорость у меня постоянно растет, и теперь каждый год во время игрощ, устраиваемых на праздник урожая, я бегаю наперегонки